

Есть люди, для которых писание книг - ремесло, "средство к жизни"; когда они не лгут на человека, не показывают его хуже, чем он есть, - это уже хорошо. Еще лучше, если они несколько, хотя бы и грубо, подкрашивают ближнего, пусть они делают это лишь потому, что желают заслужить благоволение читателей, я нахожу, что читателям полезно видеть себя менее тусклыми; красивенькое оперение придает человеку сходство с петухом, а ведь эта птица, разучившись летать, все-таки ходит по земле гордо и почтенно не только тем, что одаряет мир миллионами яиц, но и потому также, что ею хорошо понято культурное значение соперничества.

Есть писатели, обреченные недугом "таланта" работать "в поте лица", побуждаемые сочинять книги беспокойным стремлением к "славе", вполне законной и биологически оправданной жаждой выдвинуть, "выявить" свою личность из хаотической массы "просто людей", создать в среде этих людей атмосферу внимания и сочувствия сочинителю, утешителю, забавнику. Для таких писателей совершенно необходимы лестные отзывы критиков, почтительные поклоны читателей, многообещающее любопытство женщины, все прочее в этом духе, что, охмеляя, возбуждает к дальнейшему труду. Писатели этого ряда недолговечны и не глубоко врезают имена свои в "память веков", но это именно они создают "литературу" в широком смысле понятия и они подобны безыменным каменщикам, которые создавали удивительные храмы Средневековья.

Затем идут художники исключительной духовной силы, сосредоточенности и почти чудесного духовного зрения; они обладают способностью видеть никому не видимое, понимать никем не понятное, открывать в обычном - необыкновенное. На их книгах лежит отпечаток внушительной и чарующей интимности, и всегда чувствуешь что они говорят не "людям вообще", а какому-то одному, излюбленному человеку, он один только и важен для них, он только и может понять всю глубину и значительность их "священного писания".

Вероятно, человек этот физически не существует, художники выдумывают его. Воображаемый собеседник исключительно понятлив и умен, ибо он - ты сам. Не могу представить Анатоля Франса беседующего с живым человеком-другом совершенно открыто, без пауз, требующих умолчаний и многоточий.

Это - монументальные люди искусства, творцы "вечных книг", деспоты в области литературы, создатели школ, течений, стилей.

Кнут Гамсун принадлежит именно к этой группе художников слова. Но и среди них он для меня является исключением. В современной литературе я не вижу никого, равного ему по оригинальности творчества.

Я думаю, что для него совершенно не важны, не интересны "школа", "стиль" и вообще все то, что влачится тенью вслед за истинным искусством, которое, точно так же, как наука, создает "вторую природу", с тем различием, что наука заботливо окружает человека "второй природой" извне, а искусство создает эту природу внутри нас.